

Анджей Романов
(Гданьск, Польша)

СУДЬБЫ РУССКОГО МЕНЬШИНСТВА В ГДАНЬСКЕ¹

Представлен исторический очерк жизни и деятельности русской диаспоры в Гданьске в 1920–1930-е годы. Рассматривается участие русских эмигрантов в политической, деловой и культурной жизни Гданьска, их отношения с местными властями; особое внимание уделено политической конкуренции в среде эмигрантов, деятельности религиозных, культурно-просветительских и образовательных организаций; дан обзор русской прессы в Гданьске. Отмечается, что характерной чертой общественно-политической жизни русской колонии Гданьска было преобладание политической активности над иными проявлениями общественной жизни.

Ключевые слова: эмиграция, русские диаспоры, политическая борьба, национальная идентичность.

Можно выделить три волны русской политической эмиграции в Гданьск. Первая из них, дошедшая сюда сразу после революции в России, включала интеллигенцию, враждебно настроенную по отношению к происходящим там переменам и ведущую свою родословную от помещиков и крупной буржуазии, бывших высокопоставленных чиновников, купцов и промышленников. Относительно малой ее частью были офицеры царской армии, работавшие в представительстве всероссийского правительства адмирала Александра Колчака в Гданьске. Их число увеличилось после по-

ражения контрреволюционной армии генерала Николая Юденича, а также после разгрома вооруженными силами Эстонии и Латвии отрядов Павла Бермондта-Авалова, Анатолия Ливена и Константина Палена, входивших в состав дислоцировавшихся в Латвии и Эстонии немецких войск.

В декабре 1919 года в Гданьск прибыл насчитывающий 241 солдата и офицера армии Бермондта-Авалова кавалерийский полк «Алексеев» под командованием полковника Маркова, а вскоре здесь появился трехтысячный «офицерский транспорт» из отрядов генерала Палена. Русских сначала расквартировали в бывшем лагере для военнопленных в Тройле (в настоящее время район Гданьска Пшерубка). Эти отряды, подчиненные немецкой военной комендатуре Гданьска, в момент принятия власти над городом 10 января 1920 года государствами союзников оказались под началом генерала Ричарда Хакинга, тогдашнего командующего союзнических войск в Гданьске. Фактически же солдаты и офицеры из России оставались под командованием прежних военачальников, а место их временной дислокации — по причине преступных деяний русских войск — получило бесславное наименование «Raubstaat in Freistadt»².

Приход в Гданьск второй русской волны — солдат разгромленных антибольшевистских отрядов — стал возможен благодаря политике государств Антанты, пытавшихся найти им применение в дальнейшей борьбе с большевиками. В апреле 1919 года вышеупомянутое представительство всероссийского правительства Александра Колчака начало вербовку в армии Колчака, Юденича, Деникина и Врангеля. А 19 октября 1919 года в Гданьск прибыла военная миссия вооруженных сил Юга России во главе с генералом Новицким, полковником Канепом и капитаном Тепловым. Завербованные ими солдаты в январе 1920 года влились в отряды Деникина. На польско-большевистский фронт предполагалось экспедировать военных из отряда генерала Палена, который починался русскому политическому комитету Бориса Савинкова в Варшаве, сотрудничавшему с представительством польского Военного министерства и ведавшему организацией добровольческих антибольшевистских русских отрядов.

Конечно, не все бывшие русские солдаты и офицеры, нашедшие прибежище в Гданьске, были склонны далее участвовать в антибольшевистских акциях, инициированных вождями белой эмиграции. Некоторые из них после короткого пребывания в Гданьске ехали дальше — чаще всего во Францию или Германию, где обосновались большие

² «Государство разбойников в вольном городе» (нем.). — *Здесь и далее примеч. пер.*

группы русских эмигрантов и где они надеялись найти более благоприятные условия существования. Другие же при посредничестве русского репатриационного комитета в Гданьске, во главе которого стояли местный резидент советской разведки, член независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ) Артур Раубе, а также агент большевистских спецслужб Иван Беганин, возвращались на родину.

Численность русских в Гданьске вновь возросла после ликвидации Красной армией последних очагов сопротивления разгромленных антибольшевистских сил, а также после вывода с русского Дальнего Востока остававшихся там до 1922 года войск интервентов. В Гданьск также приезжали деятели русской эмиграции, выдворенные как персоны нон грата за пределы Речи Посполитой после заключения ею 18 марта 1921 года мирного договора с Советской Россией и издания польским Министерством внутренних дел распоряжения о выселении «чуждых элементов», наносящих вред государству своей деятельностью, которые прибыли из России после 10 октября 1920 года, т.е. накануне подписания предварительных мирных договоренностей.

В целом в период с марта 1919 по конец 1923 года через Гданьск прошло около 50–70 тысяч эмигрантов — бывших подданных Российской империи. Среди приезжавших сюда коренные русские составляли небольшую группу — от 3,3 до 5,2 %. Гданьская статистика зафиксировала в 1921 году прибытие в вольный город 1812 русских по национальности, в 1922-м — 2974, а в 1923-м — 2446. Среди них лишь немногие получили разрешение на постоянное или хотя бы временное проживание на территории вольного города. Для остальных удостоверением личности был временный паспорт, предоставляемый отделом прописки полиции Гданьска на основе справки, выданной комитетом помощи русским эмигрантам в Гданьске, которым руководил бывший генеральный консул России Дмитрий Островский. С 1922 года этот документ заменил так называемый «нансеновский паспорт», введенный по инициативе Фритьофа Нансена, тогдашнего верховного комиссара Лиги Наций по делам эмигрантов. Более поздние данные, в том числе опирающиеся на списки, составленные местными эмигрантскими организациями, демонстрируют неуклонный процесс снижения общей численности русского населения в Гданьске при одновременном небольшом увеличении числа русских, получивших гражданство вольного города. Так, в 1934 году из 1500 проживавших в Гданьске русских только 181 были его гражданами.

Русские белоэмигранты получали вид на жительство на территории вольного города Гданьска за особые заслуги перед отделом внутренних дел сената, и прежде всего перед городским президиумом по-

лиции, сотрудничавшим с немецкими разведцентрами, например с охватывавшим своей деятельностью всю Советскую Россию так называемым Восточным информбюро или с располагающим своей резиденцией в Кёнигсберге шпионским отделением Освальда Фогеля. Поддержание контактов с разведслужбами разных государств, действовавшими на территории вольного города, согласно принципу «служить тому, кто больше платит» стало своего рода второй профессией бывших царских старших офицеров, проживавших в Гданьске. В местной русской среде они образовали хоть и немногочисленную, но влиятельную группу.

Активное сотрудничество со спецслужбами, чаще всего под девизом «борьбы за освобождение России от ярма коммунизма», в действительности не преследовало никакой иной цели, оно лишь гарантировало участвовавшим в нем сравнительно крупные доходы. Они не только становились основой высокого (по меркам эмиграции) уровня жизни, но и обеспечивали влияние на русскую эмигрантскую среду. Такое же — а может, и еще более значительное с экономической точки зрения — место в русском обществе вольного города занимали вышедшие из прежней, довоенной диаспоры купцы и промышленники из России. В 1914 году, до начала Первой мировой войны, в Гданьске их проживало 274. Финансовая независимость давала им возможность быть нейтральными или даже критиковать деятельность бывших царских военных, претендовавших на ведущую роль в местной русской диаспоре. Такая критичность была следствием не столько разницы во взглядах или в политическом мировоззрении, сколько опасений в том, что любая деятельность диверсионно-политического характера, создающая в среде русских, проживающих в Гданьске, нездоровую атмосферу авантюризма, может негативно сказаться на прежде достаточно благожелательном отношении властей вольного города к выходцам из России. Такая ситуация, в понимании русских купеческо-промышленных кругов Гданьска, могла бы серьезно навредить их интересам, а тем самым, как они объясняли местному русскому общественному мнению, и интересам многочисленных эмигрантов, находящих себе работу на различных предприятиях.

Возникла парадоксальная с точки зрения взаимоотношений в антисоветской эмигрантской среде ситуация: бывшие высокопоставленные царские сановники, офицеры и помещики, становясь наемными работниками у своих давно осевших в Гданьске соотечественников, из опасения перед утратой источников доходов и вопреки исповедуемым и провозглашаемым ими идеям как минимум до середины двадцатых годов, исполняя ответственные функции в иерархии эмигрантских

организаций, сводили на нет готовившиеся белогвардейскими экстремистами антисоветские акции на территории вольного города и неоднократно выражали протест против таких планов.

В Гданьске появлялись новые русские фирмы и предприятия, открываемые наиболее состоятельными эмигрантами, прибывшими сюда сразу после революции в России. Некоторые из них, например процветающая торгово-перевозочная фирма «Селедка», принадлежавшая бывшему московскому купцу Ивану Волкову, предприятие импорта «Губкин & Кузнецов» или столярная фабрика Григория Степанова, обеспечивали средства к существованию многим соотечественникам. Основывались и небольшие семейные кустарные мастерские, в которых по заказу гданьских фирм производились упаковка для разных товаров, папиросы и сигареты, пуговицы и косметика. Появлялись русские столовые, кафе, бакалейные магазинчики, а также выступавшие в ночных ресторанах музыкальные ансамбли. Приехавшие в вольный город русские также находили работу в учреждениях таможенной службы и в качестве рядовых служащих — в администрации города. Те же из них, кому повезло меньше всего, были готовы браться за любую, даже самую тяжелую и малооплачиваемую работу.

Трудные жизненные условия стали причиной того, что для многих русских эмигрантов, проживавших на территории вольного города, обеспеченность и стабильность существования оказывались настоящей проблемой. Тяжелое положение русских, поселившихся в Гданьске, пытались облегчить местные эмигрантские общества — организовывали под своим патронатом небольшие трудовые кооперативы, предоставляли разовую материальную помощь, посредничали в поиске работы.

В 1920—1925 годах наиболее активной русской политической силой в вольном городе Гданьске стало монархическое движение. Среди обосновавшихся тут русских монархистов можно было выделить группу так называемых активистов, объединившую экстремистские элементы и ведущую активную антисоветскую деятельность; сторонников великого князя Кирилла Владимировича и великого князя Николая Николаевича, а также гданьское отделение Союза конституционных монархистов, предпринимавшее безрезультатные попытки играть самостоятельную роль в политической игре.

Еще в 1919 году большинство антисоветски настроенных эмигрантов сосредоточивались в Гданьске вокруг представительства всероссийского правительства адмирала Колчака, резиденцией которого было здание прежнего русского консульства на Лангтарген, 74 (в на-

стоящее время улица Длуге Огороды). Деятельность представительства ограничивалась проведением среди русских эмигрантов, прибывающих в Гданьск, вербовки в контрреволюционные отряды адмирала Колчака и генерала Юденича, при этом функции агитаторов брали на себя члены группы монархистов-активистов. Позиции сторонников монархии в местной русской общественности усилил приезд в Гданьск из Копенгагена бывшего царского генерального консула графа Д. Н. Островского, который на сей раз в качестве «полномочного представителя» признанного государствами союзников правительства Колчака получил подтверждение правомочности колчаковского дипломатического учреждения. Располагая значительными финансовыми средствами парижского центра русского монархического движения, а также внушительными дотациями из частных сбережений проживавшей в Дании бывшей императрицы Марии Федоровны, Островский не только продолжал вести усиленную агитационно-вербовочную работу, но и одновременно прилагал усилия к консолидации монархистов Гданьска вокруг особы великого князя Николая Николаевича как законного наследника царя Николая II. Ведение пропагандистской кампании среди русского населения вольного города в поддержку великого князя Николая Николаевича Островский поручил бывшему секретарю царского консульства Владимиру Елизарову. Реализованные в Гданьске пропагандистские акции в пользу великого князя Николая финансировал прежде всего владелец деревообрабатывающей фирмы, бывший сотрудник интендантской службы армии генерала Юденича, а ранее почетный консул Великобритании в Баку Альфред Карлович Зоппи.

Деятельность группы сторонников великого князя Николая на территории вольного города столкнулась с жестким противодействием со стороны членов местного отделения Союза конституционных монархистов во главе с бывшим полковником Сергеем Гершельманом, которые, выступая под лозунгом реституции династии Романовых, высказывались против чрезмерного и необоснованного, по их мнению, злоупотребления денежными средствами для поддержки претензий кандидата, не признанного всем монархическим движением. Они считали, что сначала следовало достичь единства расколотого монархического движения и только потом задуматься над выбором достойного кандидата на императорский трон.

Ситуацию в среде русских монархистов Гданьска еще более усложнил приезд в ноябре 1922 года полномочного представителя великого князя Кирилла Владимировича генерала Петра Глазенапа. Несмотря на первоначальный успех, каковым, несомненно, был переход

Зоппи, одного из спонсоров монархических инициатив в вольном городе, на сторону великого князя Кирилла, агитация Глазенапа не принесла ожидаемых результатов.

Консолидация монархистского лагеря в вольном городе Гданьске состоялась только после переселения сюда выдворенных за пределы Речи Посполитой в 1921 году деятелей польского отделения русского Красного Креста во главе с Людмилой Любимовой и Николаем Фабрициусом де Фабритти, а также руководителей действующего в Польше так называемого Комитета надпартийного единения. Изгнанные из Речи Посполитой за попытку организации заговоров и приграничных вооруженных диверсий с целью провоцирования польско-советского конфликта, члены обеих эмигрантских организаций сразу по прибытии в Гданьск установили контакт с лидерами местных ячеек монархического движения. К взаимопониманию обе стороны, несмотря на то, что среди прибывших преобладали сторонники великого князя Кирилла, пришли относительно быстро. Платформу для взаимопонимания обеспечили фонды и материальные средства русского Красного Креста, часть которых было решено использовать в целях поддержания активности переживавшего кризис монархического движения.

Но уже вскоре вновь прибывшая группа эмигрантов пришла, пусть и неофициально, к фактическому руководству монархическим движением в Гданьске. Это окончательно произошло после объединения, точнее поглощения, русским Красным Крестом местного Комитета помощи русским, действовавшего до тех пор под председательством Островского и в действительности являвшегося центром русской монархической пропаганды в Гданьске. Претерпели изменения и прежние методы военно-организационной деятельности монархистов вольного города. Взаимно конфликтующие союзы и группы русских фронтовиков по инициативе генералов В. Н. Лебедева, П. В. Глазенапа, М. И. Соболевского и В. П. Зелинского объединились в насчитывавшем около 800 членов гданьском отделении Берлинского союза русских офицеров.

Объединенный монархический лагерь в вольном городе приступил к активизации антисоветских выступлений. С этой целью были установлены контакты с немецкими организациями фронтовиков и с радикальными националистами. Особым влиянием среди русских монархистов Гданьска пользовался конспиративный разведпункт местного Хайматдинста (Heimatdienst)³. Здесь находили работу и хороший

³ Служба родине (нем.).

прием не только враги Советской России, но и просто желающие участвовать в разведывательной деятельности на территории Речи Посполитой. Враждебность к Польше среди проживавших в вольном городе Гданьске русских эмигрантов умело подпитывал председатель Хайматдинста доктор Рихард Вагнер. К разведывательным акциям русские монархисты подключались под руководством президиума полиции Гданьска, а также Айнвонервера (Einwohnerwehr)⁴. Укреплялись связи с русскими эмигрантскими центрами в Берлине, Мюнхене и Париже, откуда в Гданьск приезжали эмиссары с инструкциями и планами антисоветских акций.

Активизация русского монархического лагеря в вольном городе Гданьске привела к тому, что сюда переехали из Польши, Германии и даже из Венгрии и Болгарии многие влиятельные легитимисты, среди которых — генерал Петр Махов, князь Павел Тумбе-Малиновский, генерал Евгений Миллер и другие. Таким образом, в середине 1924 года объединенный лагерь монархистов Гданьска насчитывал порядка 1200 членов и был одним наиболее многочисленных и мощных русских эмигрантских объединений Северо-Восточной Европы.

В отличие от гданьско-немецких националистов, а также разведцентров Германии и других государств, присутствовавших на территории вольного города, которые поддерживали русских монархистов, используя их в своих интересах, представители торгово-промышленных кругов не проявляли терпимости к оживленной деятельности антисоветского центра в Гданьске. Причиной тому были возрастающие перспективы укрепления торгово-экономических связей с Советским Союзом, в котором они видели привлекательного торгового партнера. Поэтому гданьские купцы и промышленники, заинтересованные в развитии этих связей, требовали у властей вольного города запрета на проводимую на территории Гданьска антисоветскую деятельность. Обеспокоена и встревожена активностью русских монархических организаций на территории вольного города и за его пределами была и местная польская общественность, видевшая в этом факте попытку возрождения враждебного Польше царистского захватнического империализма.

И вскоре во имя интересов вольного города гданьские власти потребовали немедленного расформирования всех объединений фронтовиков русской белой эмиграции, а также возглавляемого Островским русского эмигрантского комитета. Поэтому многие сторонники монархического лагеря дистанцировались от активной политической

⁴ Гражданская самооборона (нем.).

деятельности русской эмиграции в Гданьске. Ограниченную, почти камерную деятельность в местной русской среде вели разве что оставшиеся здесь «кирилловцы» во главе с Фабрициусом де Фабритти. В то же время группа Островского, собиравшаяся в приходском совете местной православной церкви, кроме организации ресторанных манифестаций с хоровым исполнением гимна «Боже, царя храни», не выделялась никакой политической активностью.

Ослабление и очередной раскол монархическо-легитимистского лагеря в Гданьске создали ситуацию, благоприятствовавшую оживлению деятельности других русских политических группировок, которые до тех пор находились в тени. Возникшую «политическую брешь» первыми попытались заполнить конституционные демократы, объединившиеся в гданьском представительстве Русского комитета в Польше. Организаторами этого центра, возникшего в первой половине 1922 года, были выдворенные за пределы Речи Посполитой члены правления Русского комитета Константин Николаев и Николай Савицкий. В сотрудничестве с группой бывших членов партии, проживавших в Гданьске (М. Л. Кичин, Е. Е. Клодницкий, И. А. Кисиль, С. Н. Попов и др.), они стремились организовать под эгидой своего комитета конкурентный по отношению к монархистам-легитимистам якобы внепартийный центр, который был призван интегрировать расколотую русскую общественность вольного города. Роль подобного центра должен был сыграть созданный кадетскими деятелями еще 7 мая 1922 года Союз взаимопомощи бывших русских граждан, проживающих в вольном городе Гданьске. Попытка установления контактов с другими политическими группировками и объединениями русской эмиграции в Гданьске, которую предпринял Союз, не принесла ожидаемых результатов — в середине 1922 года он насчитывал всего навсего 60 членов. Причиной неудачи стало недоброжелательное, иногда даже враждебное отношение, которое проявляли к кадетским инициативам в Гданьске местные руководители русского монархическо-легитимистского движения.

Вскоре в монолитной до сих пор кадетской партийной среде выделились две группировки. Первую образовали сторонники так называемого интеллигентского либерализма, считавшие возможным взаимодействовать со всеми антибольшевистски настроенными группировками русской эмиграции в Гданьске, в том числе с местной группой социалистов-революционеров; вторую — определяемые едким ярлыком «политических староверов» противники каких-либо контактов со сторонниками введения в России республиканского строя. Упомянутый раскол, а также непрекращающиеся конфликты сделали невоз-

можным для кадетов эффективное противодействие монархическо-легитимистской пропаганде в Гданьске. В декабре 1924 года, после вступления консервативной фракции в лагерь конкурентов, даже рассматривалась возможность прекращения деятельности гданьского отделения Конституционно-демократической партии. И лишь кризис в лагере монархистов позволил кадетам занять место ведущей организации русской политической эмиграции Гданьска.

Образование так называемого Русского дома на Лантгассе, 39 (в настоящее время улица Длуга), где находились дискуссионные клубы, библиотека, кружки по интересам и дешевая столовая, открытие подобных центров в Сопоте, а также удавшаяся инициатива выпуска газеты, считавшейся печатным органом всей русской диаспоры вольного города, снискали кадетам доверие большинства местной эмигрантской среды. И только отказ от прежних форм работы среди русской диаспоры Гданьска и создание здесь в 1930-е годы новых политических организаций русской эмиграции, в том числе Союза русской молодежи (младороссов), вобравшего в себя сторонников великого князя Кирилла и консолидировавшего крайне националистические элементы русского национал-социалистского движения (рондовцев), серьезно ограничило влияние кадетов. Маргинализированный Союз взаимопомощи уже не заявлял о своих претензиях на руководящую роль внепартийной русской организации в Гданьске. Только на страницах нерегулярно издаваемой газетки спорадически предпринимались попытки обозначить кадетскую точку зрения на русскую эмигрантскую действительность.

Акции младороссов и рондовцев в Гданьске предварило громкое дело бывших царских генералов П.В. Глазенапа, Б.А. Дьякова и В.Н. Лебедева, обвиненных в шпионаже и ведении деятельности, наносящей ущерб интересам вольного города. Арестованные на основании ходатайства генерального консула СССР в Гданьске генералы были признаны персонами нон грата и получили предписание покинуть пределы вольного города Гданьска. Местные русские объединения оказались под пристальным полицейским надзором либо — на основании распоряжения президиума полиции от 12 ноября 1929 года — обязывались немедленно прекратить свою деятельность.

Шпионско-диверсантское дело генерала Глазенапа, компрометировавшее в глазах властей Гданьска всю русскую диаспору, на какой-то период парализовало ее организационно-политическую деятельность. Благоприятную для русских эмигрантов политическую ситуацию создал только приход к власти в вольном городе национал-социалистской партии. Особую поддержку со стороны гитлеровцев получи-

ло вновь созданное гданьское отделение Русского движения национал-социалистов (РДНС), выступавшее на территории вольного города под названием *Russische Nationale und Socjale Bewegung in Deutschland – Bezirk Danzig*⁵. В новую организацию, с которой были связаны Павел Бермондт-Авалов и генерал Василий Бискупский и центр которой находился в Берлине, влились некоторые гданьские сторонники генерала Глазенапа. Руководителями рондовцев в Гданьске были русские Андрухов и Тимофей Поляков, а также немец Руберг. Крикливые манифестации в мундирах, «украшенных» белой свастикой, организованные при содействии гитлеровцев Данцига, встречи с идеологами движения, прибывшими из Рейха, а также ведущаяся по гитлеровскому образцу пропаганда борьбы с «красным» (коммунистическим) и «золотым» (еврейским) интернационалами — вот и все проявления деятельности этой насчитывавшей всего 30 членов, в большинстве своем так называемых остзейских немцев, фашистской группировки бывших русских граждан вольного города Гданьска.

Под опекой партии Гитлера, а затем гитлеровских властей вольного города находилось также гданьское отделение Союза русской молодежи. Это движение, называемое также организацией младороссов, возникло в Германии по инициативе Александра Казем-Бека еще в первые месяцы 1930 года. В организации почти сразу же произошел раскол на две группировки: так называемых предрешенцев, провозглашавших программу реституции монархии и выступавших на стороне великого князя Кирилла как единственного легитимного кандидата на царский престол, и непредрешенцев, для которых проблема выбора правящей особы оставалась открытой. И нет ничего удивительного в том, что в момент образования гданьских отделений этих группировок в предрешенцы массово записались оставшиеся здесь «кирилловцы» во главе с капитаном Сергеем Алиакритским. В то же время непредрешенцев поддерживали генерал Глазенап и прежние монархисты-конституционалисты.

Одной из первых политических деклараций гданьского отделения Союза младороссов был верноподданническое послание, адресованное Адольфу Гитлеру после выборов в Рейхстаг 5 марта 1933 года: «Группа проживающих в Гданьске националистически мыслящих русских эмигрантов позволяет себе нижеследующим от имени молодых русских передать искренние поздравления партии Гитлера в связи с бле-

⁵ Русское национальное и социалистское движение Германии — округ Данциг (нем.).

стоящей победой вождя над кровавым интернационалом. Мы с восхищением наблюдаем за героической борьбой пробудившегося немецкого народа за национальную честь и естественные права нации». «Газета Гданьска», наблюдающая за ростом антипольских настроений в вольном городе, так прокомментировала этот факт: «После возрождения прусского шовинизма в обличье гитлеризма возродились и надежды русских националистов... Прежние завоеватели Польшижимают друг другу руки. Это признак того, что польский народ должен быть бдителен».

Дружественные контакты младороссов с рондовцами и НСДАП Гданьска вскоре были прерваны решением центральных органов партии, обеспокоенной немецкими экспансионистскими планами, охватывавшими и территорию России. В инструкции за февраль 1934 года А. Казем-Бек рекомендовал местным отделениям Союза русской молодежи проведение агитации, направленной против «вероломной» политики Третьего рейха, а также на разрыв политического сотрудничества с рондовцами. В то же время неожиданную поддержку младороссы Гданьска нашли в среде старших монархистов и местного православного духовенства. На общем собрании лидеры Союза русской молодежи Гданьска С. А. Алиакритский, Г. И. Волков, Д. Ф. Хартулари и старшие монархисты В. Н. Елизаров, М. Е. Пановко и протоиерей Александр Шафрановский осудили русских фашистов, решительно отмежевываясь от, по их определению, «безумных сторонников безбожного режима». Таким образом, накануне начала Второй мировой войны на территории Гданьска действовали русский антифашистский, но одновременно и антисоветский, фронт, состоявший преимущественно из сторонников разных течений монархического движения, и немногочисленные русские фашисты, объединенные в союз, находившийся под опекой гитлеровских властей вольного города и носивший с 1938 года название «Активное русское национал-социалистское движение Гданьска».

Кроме охарактеризованных группировок, в вольном городе Гданьске в 1922—1923 годах действовали представительства политических течений, существование которых было скоротечным, а влияние охватывало количественно немногочисленные группы приверженцев. К ним следует причислить отделение партии правых эсеров, а именно гданьское отделение группы Бориса Савинкова, которым руководили В. Савинков, А. Г. Мягков, В. М. Уляницкий, М. Н. Гнилорыбов и В. А. Буздижан, и сторонников Александра Керенского, получивших в эмигрант-

ской среде Гданьска наименование «эсеры-демократы». Эфемерная деятельность этих фракций была прекращена с отъездом их лидеров из Гданьска во Францию в конце 1923 года.

Характеризуя политические подразделения русской эмиграции в вольном городе, следует вспомнить и о деятельности Союза бывших русских граждан, желающих вернуться в СССР. Основанный в начале 1923 года коммунистами Гданьска Артуром Раубе и Бруно Хинце по инициативе советских спецслужб, этот Союз фактически был агентурой большевистского разведцентра, действовавшей в вольном городе Гданьске с 1920 года и законспирированной под названием «Русско-гданьское торговое бюро "ДАР"». В октябре 1933 года Николай Васильев-Дашков предпринял попытку создания в Гданьске отделения эмигрантского объединения «Крестьянская Россия». Костяком гданьского филиала этой партии должны были стать, в числе прочих, проживавшие здесь немногочисленные бывшие солдаты особой земледельческой бригады генерала Г.И. Лохвицкого (атамана «Искры»), боровшейся с большевиками в 1920 году в составе военного формирования генерала Станислава Булак-Балаховича. Полное незнание местной русской эмигрантской среды, ничтожные денежные средства и в связи с этим отсутствие желающих вступать в ряды новой организации — вот факторы, которые предрешили фиаско этого мероприятия.

Важнейшие организационные проявления общественной жизни

Первые попытки поставить общественную жизнь русской колонии в Гданьске в организационные рамки были не столько проявлением активности местных политических группировок, сколько следствием инициатив, проистекавших из требований момента и предпринимавшихся иногда спонтанно, из необходимости обеспечения прибывающим сюда массам эмигрантов основных условий существования. Поэтому общества и объединения осевшего в Гданьске русского населения первых послереволюционных лет — это опирающиеся главным образом на дружеские или соседские связи кружки взаимопомощи, фонды ритуальных услуг или клубы для общения узкого круга лиц, вобравшие в себя практически всю культурную жизнь русской эмиграции.

Попытка объединить разрозненные организаторские усилия русских Гданьска была предпринята лишь в феврале 1920 года. С соответствующим проектом выступили представители местных кругов рус-

ской интеллигенции, а в основе этого решения лежало, по всей видимости, стремление усилить общественную поддержку политических группировок, с которыми были связаны организаторы объединительных акций. К сожалению, эта попытка обернулась неудачей, и более поздние дискуссии о модели организационно-общественной деятельности русской эмиграции в Гданьске — сведенные, вероятно с целью нейтрализации политических споров, только к проблемам активизации культурной работы, — в результате личных антипатий и продвижения противоположных программ не принесли желаемых результатов.

Долгосрочным организационным мероприятием было создание по инициативе деятелей Русского комитета в Польше уже упомянутого Союза взаимопомощи бывших русских граждан, проживающих в Гданьске (СВП). И хотя в основе его создания лежали политические цели и предпосылки, многие из предпринятых Союзом действий носили характер действительно внепартийного участия в делах общественной жизни русской эмиграции в Гданьске.

Представленный на учредительном собрании 7 мая 1922 года проект устава СВП определял его как общественно-благотворительную организацию, призванную служить всей русской общественности вольного города. Поэтому теоретически его членом мог стать любой бывший русский подданный независимо от его политических взглядов, вероисповедания и даже национальности. Но на практике от кандидатов требовалась своего рода политическая декларация, заключающаяся в манифестации поддержки кадетских инициатив в вольном городе Гданьске. Работой Союза посредством специальных комиссий и секций руководило правление, которому подчинялись комиссия опеки и правовой поддержки, ремесленные цеха Союза, библиотека и читальный зал, комиссия по организации мероприятий, включавшая в себя музыкальную и театральную секции, а также комиссия финансового контроля. Непосредственно с правлением взаимодействовал издательно-пропагандистский центр. В то же время театральная секция сотрудничала с литературно-художественным клубом «Трын-трава», основанным в ноябре 1924 года В.В. Деминитру (Demenitroux). Трехлетняя работа клуба была одним из особых проявлений деятельности Союза взаимопомощи.

Внутрипартийные споры на рубеже 1923–1924 годов привели к ситуации, предполагавшей необходимость существенных изменений в организационной структуре Союза. Административно-управленческие изменения и умелое решение проблем, волновавших русскую

общественность, в момент ослабления важнейшего конкурента кадетов — монархистско-легитимистского лагеря — укрепили позиции союза как ведущей русской организации вольного города Гданьска.

Структурное слияние партийного аппарата и общественной организации, которое имело место в Союзе взаимопомощи, привело к новой реорганизации. На сей раз за этим скрывалось стремление некоторых кадетских деятелей к извлечению выгод из обретенного влияния с целью попытки навязать местной русской общественности не только организационное, но и политическое предводительство Союза. Эти усилия натолкнулись на противодействие большинства членов СВП, опасавшихся, что изменение прежних положений устава приведет к новому расколу организации и, как следствие, к ухудшению и без того тяжелого положения русских, проживающих в Гданьске. Предпринятая партийным активом — несмотря на обеспокоенность и протесты — попытка политической легализации СВП натолкнулась на категорический отказ властей Гданьска, считавших любую политическую деятельность русских эмигрантов на территории вольного города вредной для его интересов.

Расходы на многостороннюю деятельность СВП покрывались из фондов организации. Они создавались прежде всего за счет членских взносов, доходов от работ, выполняемых принадлежавшими Союзу ремесленными цехами и типографией, квот, перечисляемых в фонд от довольно часто проводимых благотворительных мероприятий, а также за счет небольших субвенций властей Гданьска, даров или поручений по завещанию членов или сторонников кадетского движения. Немаловажной, особенно в кризисных для СВП ситуациях, была и финансовая помощь центров русской эмиграции за пределами Гданьска.

Необходимость усиления пропагандистской деятельности СВП в начале 1930-х годов была обусловлена ситуацией острой политической борьбы между местными политическими группировками русской эмиграции. Вливание значительных средств в различные акции, направленные на поддержание влияния кадетской организации, в том числе на издание собственного журнала, в тот момент помогло Союзу удержать преимущество перед конкурентами в стремлении к тому, чтобы получить ведущую роль в русской общественной жизни Гданьска. Сопутствовавший Союзу успех в политических играх вскоре оказался пирровой победой, поскольку проводимые из соображений престижа дорогостоящие акции наложили отпечаток на профиль дея-

тельности, предусмотренной уставом, т.е. деятельности благотворительной. Ее серьезное ограничение при одновременном акценте на политической работе были причиной разрыва прежних контактов, соединявших СВП со многими местными русскими организациями. Из Союза стали выходить члены, выступавшие против изменений концепции его деятельности или не видевшие для себя пользы в принадлежности к этой организации. В результате в середине 1930-х годов влияние СВП ограничилось узким кругом членов гданьского отделения партии конституционных демократов.

Чувствительное поражение, которое понес Союз из-за пренебрежения уставной деятельностью во имя реализации партийной программы, было и жизненным проигрышем — не только в политическом смысле слова — его многих активистов. Потеря влияния и престижа в своей среде в данном случае приравнивалась к потере выгод, вытекающих из факта представления интересов русской общественности вольного города. В 1937–1939 годах СВП, несмотря на спорадическое издание небольшой газеты, публиковавшей статьи, в которых критически освещались взаимоотношения русских жителей Гданьска, не проявлял особой активности.

Православная церковь в вольном городе Гданьске

Значительную роль в общественной и духовной жизни русской колонии вольного города Гданьска играла местная православная церковь. Ее история берет начало в 1720 году, когда русскими с целью духовной опеки над расквартированными в Гданьске во время Северной войны экипажами русских судов было куплено имение по улице Длуге Огороды (прежняя Ланггартен) возле Жулавских ворот и была построена часовня Святого Николая, покровителя моряков. В 1769 году часовня была перенесена в резиденцию расположенного по соседству русского консульства, где она находилась до 1926 года, т.е. до вступления в права владения зданием представительства СССР в Гданьске.

Позднее часовню разместили в небольшой квартире на Хайлигегайстгассе, 80 (сейчас улица Святого Духа), временно предоставленной священником местного прихода англиканской церкви. Постоянная резиденция православной церкви благодаря усилиям отца протоиерея Александра Шафрановского была обретена лишь 15 декабря 1926 года на улице Тёпфергассе (сейчас улица Гарнцарска).

Среди политически расколотов и нестабильной русской общности Гданьска церковь, помимо религиозных функций, пыталась играть роль центра общенациональной надпартийной и конфессиональной интеграции. Этой цели служили предпринятые по инициативе местного православного духовенства благотворительные акции, например организация фонда ритуальных услуг, поддержки нуждающимся эмигрантам, комитета ухода за могилами скончавшихся в Гданьске соотечественников и даже создание церковной школы и хора, выступавшего по церковным праздникам и в дни эмигрантских торжеств. Подчеркнем, что ведение церковью в среде русской эмиграции столь активной общественной работы при постоянном недостатке средств и избытке проблем, возникавших из-за непрестанных споров в кругу эмигрантов, было возможно благодаря самоотверженности и энергии пользовавшегося всеобщим уважением отца Александра Шафрановского, а также помощи избиравшегося на трехлетний срок приходского совета.

Образовательная и культурно-просветительская работа

Существенно активизировали и направляли общественно-организационную деятельность русской эмиграции в Гданьске усилия по воспитанию в национальном духе молодого поколения, зачастую уже рожденного в эмиграции, и формирование у молодежи зрелых политических взглядов.

Этим целям должны были служить многочисленные действия, предпринятые местными русскими организациями и частными лицами, и наиболее значительным из них следует считать организацию в 1922 году П. Карачевским, Е. Добролюбовым и Н. Штернбергом (Штембергом) восьмиклассной гимназии с преподаванием на русском языке. Гимназия находилась на улице Поггенфуль, 16 (в настоящее время улица Жаби Крук) в здании Шерлершес лицеум (Scherlersches Lyzeum⁶). С трудом укомплектованный педагогический состав включал в себя представителей русской интеллигенции Гданьска, а также знающих русский язык членов Ост-юдишер ферайн (Ostjudischer Verein⁷). Отсутствие постоянных педагогических кадров, имевших глубокие знания и достаточную квалификацию, стало причиной низкого

⁶ Лицей Шерлера (нем.).

⁷ Восточноеврейское общество (нем.).

уровня обучения. Работу школы также затрудняли столкновения на политической и даже религиозной почве, которые разделяли преподавателей. Эти разногласия оказывали немалое воздействие на уменьшение общей численности и на изменение национального состава учеников. Русские по национальности ученики, отказываясь от дальнейшей учебы в гимназии, продолжали обучение в сенатских школах, некоторые даже в качестве стипендиатов епископа гданьского Эдварда О'Рурке. С тех пор в гимназии, русской уже только по названию, преобладала молодежь еврейского происхождения, родители которых входили в *Ostjudischer Verein*. Такое положение дел сохранялось до момента расформирования школы в 1926 году.

Неудача склонила местных деятелей русских эмигрантских организаций к изменению прежних методов работы с молодежью. Задачу освоения отечественных традиций и функции политического воспитания русской молодежи в вольном городе Гданьске должны были выполнять созданные в 1930 году детские группы и молодежные кружки. Их образование проходило под патронатом СВП, чьи активисты руководили работой кружков. Ожидаемых результатов этой деятельности предполагалось достичь в тесном сотрудничестве с родителями молодых людей, посещающих клубные занятия. Руководство и координация сотрудничества были поручены образованному из числа членов СВП обществу «Родина и родная речь».

После первых успехов, каковыми, несомненно, были активизация клубной работы среди детей и молодежи, а также организация в Гданьске, Вжеце и Сопоте воскресных школ, обучавших чтению и письму на русском языке около 60 детей (программа обучения включала в себя русский язык, основы русской истории и национальное песнопение), это объединение прекратило свою деятельность. Причиной тому была «атмосфера всеобщего антагонизма», господствовавшая среди русской эмиграции в вольном городе Гданьске. Сложившаяся ситуация породила серьезную обеспокоенность вполне реальной угрозой полной утраты национальной самобытности русской молодежи, долгие годы проживавшей в иностранной среде. В правление СВП и редакцию «Вестника русской колонии Данцига» стали приходить тревожные письма, призывавшие к незамедлительному прекращению «партийного политиканства» и направлению энергии, расходуемой во вредных спорах, на пользу всей русской колонии вольного города, в том числе во имя оздоровления бездарно проводимой культурно-просветительской деятельности.

Широкая дискуссия, развернувшаяся вокруг проблемы русских школ и просветительской деятельности в вольном городе Гданьске, все же не склонила руководителей местных эмигрантских организаций к конструктивному сотрудничеству в деле решения назревших за долгое время проблем. Вместо этого поднятые вопросы привели к появлению новых конфликтов. Атмосфера склок и взаимных обвинений в бездарности и отсутствии компетенции в образовательной и воспитательной работе с молодежью была преодолена только решением приходского совета православной церкви вольного города Гданьска, который поддержал проект, выдвинутый местным отделением Союза русской молодежи, об организации малой церковной приходской школы. Благодаря финансовой поддержке Русского общества помощи эмигрантам, гданьского отделения Союза русской молодежи и частных лиц стало возможным торжественное открытие 20 апреля 1933 года этого нового русского просветительского центра в вольном городе.

Занятия в малой школе проходили всего два раза в неделю. Обучение было бесплатным, а его программа включала уроки русского языка, истории, географии, религии и труда. Обычно школу посещали 20–30 учеников, действовала она при церкви предположительно до 1938 года, когда много русских вынуждены были покинуть город.

С вышеупомянутыми молодежными кругами поддерживала контакты (правда, непостоянные) малочисленная группа русских студентов из Высшей технической школы Гданьска, объединившаяся в 1921 году в Союз русских студентов вольного города Гданьска. Задачей этой организации стала материальная и учебная помощь русской молодежи, обучающейся в Гданьске. Реализация этих целей становилась возможной благодаря тесному сотрудничеству студенческой организации с Союзом русских инженеров вольного города Гданьска, начало которому было положено 8 февраля 1923 года по инициативе В. М. Ермолаева и П. Г. Калинина. Прекращение деятельности и в итоге распад Союза русских инженеров в 1925 году вынудили русскую студенческую организацию Высшей технической школы изменить прежние методы работы. Прежде всего, речь шла о получении на организационные цели средств, ранее предоставляемых из фонда Союза инженеров. С этой целью было принято решение о создании студенческого трудового кооператива (виды деятельности — репетиторство, починка радиоприемников, чертежи, реклама) и студенческого ансамбля балалаечников «Баян». Студенческое объединение получило новое название: русский студенческий союз «Арктиния» при Высшей техниче-

ской школе Гданьска. В середине 1930-х годов этот союз преобразовался в корпорацию с тем же названием.

Политический раскол русской эмиграции вольного города отразился и на деятельности новообразовавшейся корпорации. Вскоре из нее выделилась группа сочувствующих русскому национальному движению (рондовцам), провозглашавшая программу политических действий, а также «группа традиционалистов», отстаивавшая прежний статус корпорации как аполитичной организации студенческого самоуправления.

Редакционно-издательские инициативы

Важным проявлением организационно-общественной жизни русской диаспоры Гданьска стали попытки издания собственных газет и журналов. Трудности, с которыми столкнулись русские издательства Гданьска, были обусловлены не только политическим расколом русской колонии и недостатком поддержки или интереса с ее стороны, но и отсутствием собственной технической, материальной и финансовой базы. Поэтому большинство русских журналов, издававшихся в Гданьске, были эфемеридами.

Первым русским изданием, выходившим в вольном городе, стала публиковавшаяся в 1915–1917 годах русскими военнопленными лагеря Тройль-Пшерубка «Тройльская газета» (*Zeitung vom Troyl*). Эта печатавшаяся на множительном аппарате газетка нерегулярно издавалась на двух языках — русском и немецком. Было выпущено около 30 номеров этого издания.

Во втором квартале 1919 года в Гданьске вышло в свет новое русское издание. Название этой газете (или, говоря точнее, информационно-политическому бюллетеню) дал гданьский вербовочный пункт военного формирования Анатолия Ливена, сотрудничавшего на территории Латвии с немецкими вооруженными силами. Спорадически издаваемый бюллетень также был изданием двуязычным — русско-немецким. По-русски журнал назывался «Информационно-служебное извещение для сторонников князя Ливена и Северо-Западной армии», а по-немецки — «*Verbindungsdienst für die Anhänger des Fürsten Lieven und der Nordwestarmee*». Эту газету редактировал генерал Коваленко, и кроме донесений с латвийско-эстонского фронта она разъясняла смысл создания русских отрядов, сражающихся в союзе с немцами против большевиков. Со значительными перерывами в издании газет-

ка, впоследствии издаваемая бывшими офицерами формирования Ливена под названием «Информационный бюллетень бывших военных Северо-Западной армии», просуществовала до 1923 года.

Следующее русское издание вышло в свет в Гданьске в декабре 1922 года. Это был «Данцигский вестник» — еженедельник с лояльной по отношению к вольному городу экономико-политической программой, который предпринял попытку продемонстрировать жителям Гданьска возрастающее значение осевших здесь бывших подданных России и тем самым указал путь к достижению стабильности русской эмиграции в рамках общественности города. Последний номер еженедельника был издан в августе 1923 года.

С декабря 1923 до ноября 1924 года в Гданьске издавался «Данцигский курьер». «Курьер» продолжил линию «Данцигского вестника», но, выступая под монархическими и национальными лозунгами, он в большей мере, чем предшественник, акцентировал свою «русскость». И здесь следует напомнить, что издание обеих газет стало возможным благодаря финансовой поддержке русских евреев. Они же — в том числе Лев Астрахан, Иегуда Шаяк, Исаак Лурье и Леонид Коман — вместе с русскими — генералом В.П. Зелинским, А.М. Беляминым и В.К. Абданк-Коссовским — редактировали эти газеты.

Непродолжительным оказалось и существование издававшегося с мая 1924 года двухнедельника «Путь». Это издание, выходившее в свет как «общая, политическая, экономическая и литературная газета», адресовалось либеральным кругам русской эмиграции Гданьска. Ее издателем был Н. Новаковский, а редакторами — Г.Н. Петров и С.Н. Попов. После выхода в свет двух номеров печатание издания остановили.

Спустя ровно год, в мае 1925-го, вышел в свет печатный орган СВП — «Голос Союза Взаимопомощи». «Голос» был двуязычным (русско-немецким) изданием, информировавшим о деятельности Союза. Редактировал его С.Н. Попов. В свет вышло всего три номера газеты.

«Мыльным пузырем» оказалось также издание монархистско-легитимистского движения Гданьска — ежемесячник «Русское Дело». Его издателем и редактором был В.Н. Скосырев. Первые восемь номеров ежемесячника вышли в форме размноженных машинописных листов и лишь затем газета стала печататься. «Русское Дело» издавалось в 1934–1935 годах.

Из числа издаваемых в Гданьске газет русской антибольшевистской эмиграции дольше других просуществовал печатный орган СВП — «Вестник русской колонии Данцига». Избегая болезненных и дискус-

сионных политических и национальных проблем, газета выходила под лозунгами надпартийного единения раздираемой конфликтами русской общественности Гданьска. Первый номер «Вестника» покинул типографию 1 февраля 1929 года. Под указанным названием, меняя частотность издания от двух- до еженедельника, газета выходила вплоть до 24 марта 1934 года. Затем название было изменено: «Неделя. За рубежом и в СССР».

Финансовые трудности стали причиной того, что в сентябре 1935 года регулярное издание газеты было прервано. С того времени она печаталась «по мере необходимости», иногда с перерывами в несколько месяцев. Как непериодический бюллетень СВП «Неделя» распространялась среди читателей еще в первые месяцы 1938 года. За все время жизни газеты редакцией печатного органа СВП руководил В. В. Деменистру. В 1929—1934 годах расходы, связанные с изданием газеты, частично покрывались благодаря дотациям проживающих в Гданьске русских евреев, после 1934 года — субвенциям Берлинского центрального комитета конституционно-демократической партии в изгнании.

Завершая обзор русской прессы Гданьска, следует упомянуть об издававшейся на русском языке периодике, служившей целям пропаганды гданьско-советского экономического сотрудничества. Расходы на издание этих журналов покрывала советская сторона, а в их редактировании принимали участие сотрудники и агенты советских спецслужб в Гданьске.

Эпилог

Представленная выше краткая характеристика разных форм и проявлений политической и общественно-организационной деятельности русской эмиграции в Гданьске позволяет сделать несколько общих выводов.

Можно утверждать, что русская общественность, проживавшая в Гданьске в межвоенный период, делилась на две группы. Первая из них — это приехавшие сюда еще до начала Первой мировой войны русские купцы и промышленники; вторая, более многочисленная, сложилась в пореволюционное время и состояла из политических эмигрантов. Лишь немногие русские, проживавшие в Гданьске, были из числа военнопленных, находившихся в лагере, созданном немцами в 1914 году, которые по завершении военных действий решили остаться в городе на Мотлаве.

Русские, проживавшие в Гданьске, создавали сплоченное и стабилизовавшееся в рамках общественности Гданьска национальное меньшинство, поддерживая — по экономическим соображениям — тесные контакты с местными торгово-промышленными кругами. Подчиняя свою деятельность стремлению удержать позиции на рынке Гданьска в трудный межвоенный период, в условиях неустойчивой политической ситуации, они не проявляли ни интереса к сугубо эмигрантским проблемам, ни стремления к единению с русскими эмигрантами, прибывшими в Гданьск после революции и Гражданской войны в России. Особо следует подчеркнуть, что большинством белоэмигрантов Гданьск считался, в отличие от давно здесь живущих иммигрантов, всего лишь местом временного пребывания. Ведь вольный город благодаря своему географическому положению не только давал основной массе приезжих надежду на скорое возвращение в Россию в случае победы антибольшевистских сил, но и был удобным местом деятельности различных русских эмигрантских группировок, подготавливавших и проводивших диверсионные акции против Советов.

Характерной чертой общественно-политической жизни русской колонии Гданьска на протяжении рассматриваемого периода было преобладание форм политической деятельности над всеми прочими проявлениями общественной активности.

С точки зрения реализации идейно-партийных программ действовавшие в межвоенный период в Гданьске русские группировки и объединения — обычно это филиалы организаций, имевших свои центры за пределами вольного города, — нужно причислить к двум лагерям — противников и сторонников Советской России. В первом следует выделить течение, вобравшее в себя представителей всех оттенков монархического движения, а также течение, объединившее республиканских деятелей эмиграции. Второй лагерь образовали немногочисленные русские эмигранты, которые перешли на сторону большевиков и остались в Гданьске, работая на советские спецслужбы.

Политическую мозаику русской общественной жизни вольного города усложняли конфликты между отдельными группировками. Они не только проистекали из программных расхождений, но и (в партиях антисоветского лагеря) были вызваны запредельными амбициями людей, претендовавших на ведущую роль в своей среде.

Политический раскол русской эмиграции в Гданьске привел к разрозненности интеграционных акций, преследовавших цель надпартийного единения русской общественности города. Большинство на-

чинаний, ставивших задачу активизации русской общественной жизни и установления ее организационных рамок, предпринималось по инициативе действовавших в вольном городе политических партий и группировок. При этом политические организации, под патронатом которых проходили упомянутые акции, понимали объединение по своему, каждая из них считала, что только она способна сплотить вокруг себя проживающее в Гданьске русское население и тем самым занять доминирующую позицию в местных кругах русской эмиграции.

Созданию сплоченной эмигрантской среды не благоприятствовали миграция русского населения через Гданьск, играющий в данном случае роль одного из перевалочных пунктов для всей русской эмигрантской диаспоры, и тяжелая экономическая ситуация, в которой оказались выходцы из России, по разным причинам выбравшие этот город местом своего постоянного проживания.

Начало Второй мировой войны в Гданьске встретила только небольшая часть русского населения, оставшаяся в городе после массового выезда эмигрантов и беженцев во Францию, Англию, Турцию, Болгарию, Югославию, США и Бразилию, вызванного напряженной военно-политической ситуацией накануне нападения гитлеровской Германии на Польшу. Гданьск покинули лидеры местной русской колонии, в том числе В.В. Деминитру и больной, преследуемый гитлеровцами настоятель гданьского прихода православной церкви протоиерей Александр Шафрановский. Немногие русские Гданьска, преимущественно бывшие военные, при посредничестве центра вербовки во главе с неким Мирошниковым попали в военные формирования так называемого Осттруппена (Osttruppen⁸) и в армию генерала Власова, воевавшую на стороне немцев. В Гданьске по разным, чаще всего семейным и материальным, причинам осталась горсточка русских. По окончании войны, в случае установления их национальности, им угрожал арест, передача советским спецслужбам и, как следствие, депортация в СССР. Можно только предполагать, какая им там была уготована судьба... Те немногие русские, кто пережил в Гданьске коммунистические облавы и приехал туда в сороковые годы, по понятным причинам не проявляли никакой организационной активности. Поэтому, как вспоминал житель Гданьска-Оливы Николай Крутиков, предпринятая в середине 1947 года попытка организовать в Гданьске отделение созданного в декабре 1946 года Русского благотворительного общества закончилась неудачей.

⁸ Армянский батальон СС.

В те времена духовная и общественная жизнь русских Гданьска неформально теплилась вокруг местной церкви. Правда, некоторые из русских, проживавших в городе, вступили в созданное в Варшаве в июне 1950 года Русское культурно-просветительское общество (РКПО), но они не стали выступать с инициативой образования гданьского филиала этой курируемой службой безопасности организации. Контакты ограничивались публикациями в газете общества, т.е. в выходящем до 15 января 1957 года издании «Русский голос», и дружескими встречами, о которых следящий за членами РКПО работник польских спецслужб сообщал, что в них «принимают участие только белогвардейцы, враги СССР и социалистического строя».

Лишь 4 марта 1956 года по инициативе Н. Крутикова, Д. Дозовника, Я. Рубашевского и других в Гданьске была образована местная организация РКПО. Функции его председателя поочередно выполняли Н. Крутиков, Д. Дозовник, П. Веремейчик, А. Бовтручук и Г. Острогурская. В 1960 году гданьское отделение РКПО насчитывало 273 члена. Увы, общество не имело постоянной резиденции, оно проводило свои встречи в клубе «Руды Кот» в Гданьске на улице Гарнцарской или в зале, арендованном в Обществе польско-русской дружбы. В то же время очередная реорганизация центрального совета общества в Лодзи притормозила деятельность гданьского отделения. Работа была продолжена в 1962 году уже отделением Русского культурного общества (РКО), тогда же были предприняты попытки приобретения для общества постоянного помещения.

Многолетние ходатайства наконец увенчались успехом 16 января 1968 года, когда комитет жилищного хозяйства Городского совета Гданьска передал РКО подходящее ему помещение на улице Огарной, 64/65. По мысли деятелей РКО, гданьское отделение должно было стать «центром популяризации и освоения русской, советской и польской культуры». Пользовались популярностью организованные в РКО курсы русского языка, дискуссионный клуб любителей кино, выступления драмкружка под руководством Виталия Коженевского и любительского театра кукол.

Активную культурно-просветительскую и воспитательную деятельность гданьского отделения РКО прервала ликвидация общества по санкции Министерства внутренних дел ПНР в декабре 1974 года. Коммунистические власти обвиняли деятелей общества в тесном сотрудничестве с церковью, терпимом отношении к нахождению в рядах РКО русских «белоземigrants», в отсутствии однозначных прокоммунистических деклараций; порицали за «бесполезное и даже

вредное дублирование деятельности Общества польско-советской дружбы». Ликвидатором РКО партийно-административным решением был назначен активист ПОРП, русский по происхождению, Ежи Тредиаковский. В его присутствии 3 декабря 1974 года в Лодзи был сожжен архив общества. Единственным оплотом русских жителей Гданьска вновь стала гданьская православная церковь.

Время и исторические события потихоньку стирают следы векового присутствия русской колонии в Гданьске. Некоторые русские, влияясь в общественность Гданьска и основывая семьи в городе на Мотлаве, подверглись во втором или третьем поколении неизбежному процессу ассимиляции. Некоторые по разным причинам меняли русские фамилии на польские. Однако и в тех, и в других все еще живет сознание их происхождения...

Пер. с польского Л. Мальцева

Andrzej Romanow

THE DESTINIES OF THE RUSSIAN MINORITY IN GDANSK

This article offers a historical sketch of the life and activities of the Russian diaspora in Gdansk in the 1920-1930s. The author considers the participation of Russian emigrants in the political, business, and cultural life of Gdansk and their relationships with the local authorities. Special attention is paid to the political competition among the Russian minority, the activity of religious, cultural, and educational organisations. The article offers a review of Russian periodicals published in Gdansk. It is emphasised that a specific feature of the social and political life of the Russian minority in Gdansk over the mentioned period was the dominance of political activity over other aspects of social life.

Key words: *emigration, Russian diasporas, political struggle, national identity.*

**ЯЗЫК:
ПУЛЬС ВРЕМЕНИ**

Словарь сновидений нового типа должен опираться на самые продуктивные установки предшествующих словарей. В его основе должна лежать мысль о том, что пророческие сновидения представляют собой одно из проявлений человеческой когниции, истоки которой — в бессознательном. Оно «говорит» с человеком в сновидениях посредством образов, составляющих «код» бессознательного, язык, знаковой единицей которого выступает символический образ.

Теннадий Берестнев

В сновидениях метафора выходит за рамки психологического бытия человека. Она может функционировать в качестве средства репрезентации «иной» семантики, переводя ее в план реальных знаний о мире. При этом идентифицирующая и предикативная функции метафоры ослабевают и сближаются.

Инга Васильева

Образы пророческих сновидений обнаруживают заметное сходство с символическими формами культуры. И в культуре, и в сновидениях часто фигурируют одни и те же образные начала. Символические формы культуры задают инвариант того или иного образа, а в сновидениях представляются его конкретные варианты или своеобразные «контекстные расширения».

Анна Цветкова